

ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИИ

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА С. Л. РУБИНШТЕЙНА – «ЧЕЛОВЕК И МИР»

К. А. АБУЛЬХАНОВА

Институт психологии Российской академии наук, г. Москва, Россия

Представлен основной конструкт новой философской онтологической концепции С. Л. Рубинштейна монографии «Человек и мир». Он «освобожден» от затрудняющих понимание его сущности ссылок на многочисленные философские мировые и отечественные концепции и полемики с ними. В отличие от авторской последовательности текста он репрезентирован в едином времени и пространстве данной статьи. Воспроизведена не только сущность рубинштейновской парадигмы, но и способ мышления, логика доказательств и опровержений, присущая ему при ее построении и обосновании. Выявляется философская новизна парадигмы С. Л. Рубинштейна, в основном оставшаяся вне поля зрения ищущей новые пути отечественной философской мысли и возможности ее непосредственного или опосредованного психологической наукой влияния на жизнь и судьбу Человека в прошлом и настоящем веках.

Ключевые слова: Человек, мир, Вселенная, сущее-существование, сущности, способы существования, Человечество, личность, сознание, деятельность, отношения, этика, социальная философия, философская антропология, философия жизни, монизм, гуманизм.

Для цитаты: Абульханова К. А. Онтологическая парадигма С. Л. Рубинштейна – «Человек и мир» // Познание и переживание. 2020. Т. 1. № 1. С. 8–26. doi: 10.51217/cogexp_2020_01_01_01.

Для контактов: К. А. Абульханова, abulkhanova@ipras.ru.

S. L. RUBINSTEIN'S ONTOLOGICAL PARADIGM – “MAN AND THE WORLD”

KSENIYA A. ABULKHANOVA

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The main construct of the new philosophical ontological concept introduced by S. L. Rubinstein in his book “Man and the World” is presented cleared of referrals to numerous world and domestic philosophical concepts and polemics which might hinder understanding of its essence. Unlike in the author's text, it is represented in the unified time and space of this article to reproduce not only the essence of the Rubinstein paradigm, but also the way of thinking, the logic of proofs and refutations, inherent in its construction and grounding.

Познание и переживание. 2020. Т. 1. № 1. С. 8–26.
doi: 10.51217/cogexp_2020_01_01_01

The philosophical novelty of the Rubinstein paradigm is revealed, which has mainly remained out of sight of those seeking new ways of Russian philosophical thought and a possibility of its direct or psychological science-mediated influence on the life and destiny of Man in the past and present centuries.

Keywords: Human being, world, Universe, existence, essence, ways of existence, Humanity, personality, consciousness, activity, relations, ethics, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of life, monism, humanism.

For citation: *Abulkhanova K. A. S. L. Rubinstein's ontological paradigm – "Man and the world" // Poznanie i perezhivanie [Cognition and Experience]. 2020. V. 1. № 1. P. 8–26. doi: 10.51217/cogexp_2020_01_01_01 (in Russ.).*

Corresponding author: Kseniya A. Abulkhanova, *abulkhanova@ipras.ru*.

Введение

Наступление нового века и совпавшего с ним общества нового типа в России ставят проблему жизни в нем Человека. Является ли сегодня философия духовным самосознанием общества, призванным служить его осмысленному построению?

В прошедшем веке философское мировоззрение оказалось зависимым от тоталитарной власти государства, превратившей марксизм в догматическую идеологию. Как известно, политика сталинизма к концу 1940–началу 1950-х гг. стала распространять дух борьбы с инакомыслием и на отдельные науки, и на интеллигенцию в лице врачей, ученых, философов, выразившейся в обвинениях в космополитизме, антимарксизме и разного рода деприациях (лагеря, увольнения, запреты публикаций и т. д.).

В обстановке преследования свободы мысли в науке и культуре жил и боролся за психологическую науку и ее развитие как науки о личности, ее мышлении, сознании, воле философ и психолог Сергей Леонидович Рубинштейн. Противостоя этой то усиливающейся, то ослабляющейся деприации, Сергей Леонидович добивается публикации подряд трех монографий (1957, 1958, 1959) и начинает, несмотря на подорванное здоровье, работать над последним трудом своей жизни – философской монографией «Человек и мир».

Будучи причастна к последним годам его жизни и работы, автор реализовала завещание Сергея Леонидовича довести ее до публикации после его ухода.

Многолетняя работа над этим трудом и дальнейшее развитие в Институте психологии РАН Рубинштейновской школой содержащихся в нем идей дают уверенность в аутентичности предлагаемого понимания С. Л. Рубинштейна. Ее значение в том, что она создана философом, досконально знакомым со всей историей и современным состоянием мировой философии, опиралась на нее, написана в самый идеологически жестокий период жизни нашего общества и восстанавливает права Человека, личности, народа, победившего в войне, но поправленного в своей жизни. Фактически, это философия жизни в ее реаль-

ной противоречивости и трудностях и воззвание к возможностям, мужеству, таланту личности для их преодоления.

В силу того что решение С.Л. Рубинштейном основной задачи в труде «Человек и мир» в самом тексте сопровождается критическим преодолением тупиковых и актуализацией перспективных идей едва ли не всей истории мировой философии и ее советского периода, которая перемежается с их преобразованием при включении в целостную авторскую систему и ее доказательством, обоснованием, восприятие и понимание этой целостности и ее новизны *чрезвычайно* затруднено. Учитывая и это, мы воссоздаем основные этапы, звенья хода мысли Сергея Леонидовича в логике построения им своей философской парадигмы¹.

Разумеется, хотелось бы, чтобы имя Сергея Леонидовича Рубинштейна было вписано в плеяду имен, открыто выступивших против тоталитаризма: Сахарова, Солженицына и других преданных своей Родине людей. Однако, сознавая, что это невозможно, оцениваю ее как человеческий, гражданский поступок и хочу высветить конструкт труда, составивший философскую парадигму жизни нашего общества (середины XX в.) как «Оптимистическую трагедию».

* * *

В кратком предисловии к труду «Человек и мир» в двух фрагментах — «От автора» и «Введении» — С.Л. Рубинштейн, самокритично оценивая свои предшествующие труды, формулирует задачу настоящего как «реабилитацию» в философии и в самой жизни Человека и обоснование его места в Мире.

Приступая к ее осуществлению, он выстраивает ту предельного уровня абстрактности и емкости систему, которая может служить основанием — своего рода философским ключом к постановке заявленной проблемы. Коренная философская категория бытия (в советской философии — материи как основы материализма — диалектического и исторического) заменяется им категорией «сущее». В нее вкладывается более широкий смысл, поскольку ею утверждается абсолютность, приоритетность существования, она указывает на реальность, действительность всего в Мироздании (включая и сознание!). Этим ходом закладывается начало разработки онтологического подхода ко всему существующему во Вселенной.

¹ В *психологии* этот труд (идеи его второй части преимущественно) вошел в сокровищницу развития ее философско-методологической мысли, стал основанием разработки новых проблем: субъекта, личности, ее жизненного пути в его противоречивости, преодолеваемой ответственностью, стратегией жизни и мировоззренческими чувствами личности, а также исследований мышления в общении, нового подхода к определению предмета психологии, нового уровня развития и ее истории — школой С.Л. Рубинштейна и его единомышленниками. Представители нового поколения периода «бархатной революции» практически уже в одиночку (М.К. Мамардашвили, В.А. Лекторский, А.А. Зиновьев и др.) разрабатывали новые подходы к отдельным проблемам философии. Труд С.Л. Рубинштейна оказался «в стороне» от дальнейшего движения философской мысли, значительно его опередив.

Категория сущего², согласно С. Л. Рубинштейну, утверждает:

1. Абсолютность приоритета существования³, указывая на реальность, действительность всего существующего во Вселенной. «Сущее, причина существования которого, — пишет он, — в нем самом», — связывая тем самым новую формулу с принципом детерминизма в «Бытии и сознании» (Рубинштейн, 1997, с. 26).
2. Сущее как категория включает *качественно различные* сущности того, что существует, — *субстанции* (там же).
3. Ответив на вопрос, *что* субстанции (= сущности) существуют, С. Л. Рубинштейн ставит следующий: *как, каким способом* осуществляет (проявляет) себя каждая сущность. Категория *способа существования* объединяет в себе качественную и деятельностную модальности Человека⁴.
4. Категория *сущего* является *универсальной*, охватывая *многообразие* сущностей и *способов их существования*, интегрируя в себе *способы* самореализации *сущностей*, восходя к высшей категории сущего. Замыкается «кольцо» единого в многообразном. Онтология С. Л. Рубинштейна, доказывая *единство* Вселенной, утверждается «окольцеванием» — монизмом, интегрирующим многообразие.
5. Это ключевая для последующего формула, имея утвердительно (= «законодательную») модальность, уникальна своим емким и одновременно предельно сжатым способом философского конституирования: начинаясь с существования, она *замыкается* существованием же включенных в «кольцо» многообразных сущностей, являясь тем самым «закрытой» и одновременно презентуя возможность построения последующей архитектуры парадигмы.

Хотя в диалектическом материализме в то время утверждались при-
сущие определению материи: и движение, и развитие, но формулировка
С. Л. Рубинштейна — «*способы существования*» — намечает более обобщен-
ную расшифровку того, *как осуществляются* разные сущности, каким
способом и каким образом, что придает категориям уже не констатиру-
ющую модальность, а конструктивную, объяснительную, предполагаю-
щую последнее.

Переводя категорию бытия в категорию сущего, Рубинштейн пишет:
«...в процессе *развития* (курсив наш. — К. А.)... бытие выступает в таких

- 2 Категория сущего, как известно, начинается с платоновской интерпретации, претерпевая одновременно и в последующем множество других (см.: *Платон. Собр. соч.* В 4 т. / Пер. С. С. Аверинцева. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 421–500), а также входит в религиозные тексты (см.: *Яко живей ти сущей с нами, молимся ти... // Из молитвы святой блаженной Ксении Петербургской*).
- 3 Понятие существования, являющееся ключевым в философии экзистенциализма, употребляется С. Л. Рубинштейном в принципиально ином значении.
- 4 С. Л. Рубинштейн сразу конкретизирует категорию способа существования как сознательного способа существования человека, вводя последнюю категорию в основной конструкт.

качественно новых формах, которые можно обозначить (!) как материю в особом расширительном смысле, иными словами, называть материей *качественно новые своеобразные формы сущего*, которые сложились на основе материи» (Рубинштейн, 1997, с. 36–37). В общепринятом понятии материи просто «слиты» *качественные* ее характеристики и модальность *объективности*. С.Л. Рубинштейн их дифференцирует: «При этом каждое из этих понятий — бытия, субстанции, материи — выражает *другой аспект* основной философской проблемы — проблемы сущего, бытия и сущности сущего». И далее: «В силу этого опять-таки равенство бытие = материя *не может иметь места*» (там же).

Рубинштейновская интерпретация принципа монизма, охватывая всё многообразие в архитектонике сущего — Вселенной, не противостоит плюрализму, справедливому как альтернатива догматизму советской философии.

6. Первоначальным ходом С.Л. Рубинштейн выстраивает самого высокого уровня абстрактности — сущностно-категориальный конструкт своей философской *парадигмы* — ее целостную архитектонику, интерпретируя и по-новому объединяя существующие в истории и современной философии понятия и категории. Но, подводя итог этому философскому «ходу», он соотносит его с существующим в философии (и развиваемым им же самим) *принципом единства* бытия и сознания (и первого как определяющего второе в марксистской интерпретации) и (как бы еще раз) объясняет, *почему*, преобразовав категорию бытия в категорию сущего, он «опустил» *категорию сознания* (как не «по рангу» соотнесенную с бытием в принятой интерпретации). Он пишет: «Отношение сознания и *осознаваемого Человеком* (курсив наш. — К.А.) материального бытия (сразу объединяя *сознание с Человеком*, поскольку для С.Л. Рубинштейна Человек, а не сознание — *субъект*, а сознание (= осознание) — *предикат*. — К.А.) — как объективной реальности — это отношение *внутри* (курсив наш. — К.А.) сущего... Необходимо значит (сначала! — К.А.) обратиться к категории бытия, *сущего* и, раскрыв *его состав*, включающий как материю, так и *сознание Человека*, вскрыть их соотношение *внутри бытия*» (там же, с. 38).

Эпилог первого философского «хода», мысли — раскрытие новой интерпретации существующих философских категорий — уже включает, *завершается* обращением к *проблеме Человека*.

* * *

Следующим философски операциональным методолого-философским ходом в построении своей парадигмы С.Л. Рубинштейн «поднимает», выводя на *высший уровень сущностных* категорий, раскрывающих *качественный «состав» сущего, категорию Человека и Мира*. Вышеприведенное сравнение «формулы» сущего с «кольцом» — этим упрощенным, на первый взгляд, сравнени-

ем мы подчеркиваем, что парадигма С. Л. Рубинштейна имела уникальную конфигурацию, которой он воссоздавал (= создавал) «архитектонику» своей парадигмы. Образ «кольца» сущего позволяет высветить, что Человек находится *в центре* Мира (понимаемого как «кольцо»), *охватывающего* Человека со всех сторон, расположенного *вокруг* него (!). Это крайне существенно соотносительно с существующим, уже вошедшим в наше философское мышление «образом» субъектно-объектной диспозиции (термин В. А. Ядова).

Диспозиция Человека как *сердцевины* Мира, с одной стороны, позволяет раскрыть его – Человека новые «роли» в нем, с другой – открывает иную перспективу (и как мы проследим далее) новую, «обнимающую», включающую в себя Человека «роль» Мира, не только в качестве объекта.

Эта конфигурация – преемница Марксовой формулы «Становление Природы Человеком»: формулируя совсем кратко, К. Маркс объясняет Становление Природы Человеком, С. Л. Рубинштейн – превращение Человеком Природы в Мир⁵ и раскрывает, как оно им осуществляется.

Человек занимает центральное место в Мире, окружающем его, а не противостоит ему, во-первых. Это позиция его значимости, сущности («субстанциональности» – см. выше) не по критерию уровневой иерархии (хотя в «Бытии и сознании» он оперировал уровневым подходом) и не по принятому в гносеологии критерию субъект–объект, а в концепции К. Маркса – по принципу отчуждения/присвоения, объективации/субъективирования, а по значимости сущности Человека как «Сердца» Вселенной и превращенного из ее «плоти» Мира.

Во-вторых, еще никто, пытаясь раскрыть, как познанием, сознанием и деятельностью осуществляется преобразование объектов в «предметы», тем самым превращая действительность в их «россыпь», не интерпретировал ее как плотную «ткань» множества туго сплетенных в разных измерениях разными *типами связей* «предметностей»: Культуры, Технологии, Государств на Планете (и уже сегодня за ее пределами), а также Природы, *в которой* человек также *осуществляет* свою жизнедеятельность.

Возведение категорий Человека на центральное место и одновременно *вершину* категориальной композиции сущего является самым радикальным изменением существующих в истории и в наше время философских систем.

Рубинштейновская формула «Человек в Мире» содержит несколько *существенных значений*, ряд которых уже вошел в историю философии. Это Марксово «становление природы Человеком», включающее способы преобразования природы человеком своим трудом, предполагает, однако, в своей основе одновременно с присвоением и *отчуждение*, это (в том числе и россий-

5 «От нерасчлененного понятия бытия, – пишет С. Л. Рубинштейн, – заключающего в себе утверждение его существования (в категории сущего. – К. А.), мы переходим к его качественному определению, в связи с чем и намечается „гнездо“ онтологических субстанциональных категорий» (Рубинштейн, 1997, с. 31). Не является ли ассоциация с гнездом, употребляемая С. Л. Рубинштейном, продолжением выше рассмотренного образа кольца?

ская) философская антропология (конца XIX—начала XX вв.) и т. д. Однако в большинстве этих значений превалировало *субъект-объектное противопоставление*, принятое в гносеологии.

В формуле места «Человека в Мире» преобладает определенность его способа жизни. Мир, с одной стороны, — это преобразованная Человеком *действительность* цивилизаций, культур, в разных странах планеты государств, общин и социальных типов обществ, объединяющих множества людей. Это, с другой стороны, разнообразие разноплановых, разнопорядковых *отношений* в экономических, технических (сегодня — технологических), культурных и т. д. Это, с третьей, национально и социально различные страны, взаимодействующие друг с другом.

Категория Мира предполагает множество людей, народов, национальностей, разного уровня развития, разного типа связей друг с другом личностей.

Человек включен в Человеческий Мир своей *жизнедеятельностью* — категорией, воплощающей и его природные особенности существования, и сознание, и деятельность как способы его самореализации в жизни. В жизнедеятельности, осуществляемой в настоящем времени, он детерминирован обстоятельствами, сложившимися в данный исторический период, эпоху условиями, которые *предоставляют* ему *возможности* самореализации в жизни и, наконец, *требования и ограничения* разного рода и уровня, идущие от социума.

Таким образом, Мир, включающий человека в свой *эпицентр* и тем самым возводящий его на категориально высший уровень, — это *освоенная* Человеком часть Вселенной, разделенная на страны, населенные живущими на их земле, использующими ее природу народами, соединенными в разного типа общества, социумы, государства, с присущими последним типом власти, уровнем культуры, духовного и материального производства. Это функционирующая по человеческим законам и критериям часть Вселенной. Действительность, согласно С. Л. Рубинштейну, «философски определяется как дифференциальная онтология, онтология множественности» (там же, с. 73).

Мир имеет множество сущностных «измерений», множество типов связей, непосредственных, параллельных, «ортогональных», меняющихся в разные исторически времена в своей сущности. Мир — это мир цивилизации, эпох, исторических периодов, т. е. *воплощение истории* осуществления Человеком себя как Человека в действительности.

Таким образом, Человек в Мире уже не противостоит объекту, а *взаимодействует* с присвоенной и созданной им действительностью. Посредством *сознания и деятельности* он познает не обособленный объект, а многочисленные исторические и современные *отношения* людей друг с другом, способы их объединения, и не только «органами» чувств, по К. Марксу, а способностями определяет жизнедеятельность в этом Мире, будучи и сам ими определен. Рубинштейновская формула Человека в Мире — это способы самореализации Человека как Человечества, т. е. множественности бытия людей, представляющих сменяющие друг друга поколения, связанных социально,

территориально, национально, архетипически, родственно и личностей друг с другом. Иными словами, категория Мира в ее связи с Человеком обладает философским качеством большей определенности и *множественности*. Этим на первый взгляд нарушается принятая философией преамбула должного и присущего абстрактности, но одновременно она не только вбирает в себя множественность «очеловеченной» действительности, но позволяет открыть иные, чисто категориальные переходы и связи внутри собственно философского континуума.

«Переход» от категории Человека к личности осуществляется не прямо, а оказывается опосредованным ее включенностью в определенную историческую эпоху существования Человечества, цивилизации, жизнедеятельности той страны, государства, социума и местом, занимаемым ее жизнедеятельностью в нем. Этим снимается принцип однозначности детерминации личности социумом.

Мир, включающий Человека, представляет ему совокупность условий его жизнедеятельности как *возможностей* для его деятельности и в целом способа существования в нем, а также совокупность обстоятельств, вызванных происходящим в нем в данном времени, и... *требований* к Человеку.

Итак, категория Мира — это, во-первых, Мир, уже преобразованный человеком (в смысле цивилизаций, культур, экономических, производственных (сегодня — технологических), социальных отношений множества людей, составляющих Человечество. Во-вторых, Человек уже детерминирован этим Миром, его достижениями, условиями своего времени (века) и требованиями к его развитию. В-третьих, условия, обстоятельства (изменяющиеся и разные в разных странах, государствах, социумах) и требования обращены как к сущностям разного рода, так и к отдельным личностям, включенным в их жизнедеятельность. В-четвертых, Человек в Мире объединен с ним жизнедеятельностью и включен в ее проблемы. Жизнедеятельность — это деятельная и регулируемая сознанием самореализация сущности Человека. В-пятых, категория Мира представляет Человечество — множество людей, поколений, со способами жизни и разного типа и уровня отношений между ними, их отношений и взаимоотношений с государствами, социумами, а последних — друг с другом. Таким образом, Мир — это освоенная Человеком часть Вселенной, разделенная на страны, населенные живущими в них народами, личностями, образующими типы обществ, государств, социумов, с присущими последним типами власти, духовного и материального производства.

Так, С. Л. Рубинштейн находит адекватное место этим категориям относительно исходной формулы сущего как *многоразличных* сущностей с разными способами существования. Так построенной онтологической парадигмой преодолевается раскол и противопоставление бытия и сознания и следующую за ним абсолютизацию одного или другого идеализмом или материализмом.

Новизна рубинштейновского подхода к деятельности (поскольку эта категория разрабатывалась и до него) заключается в ее онтологической интер-

претации как *способности* Человека, Субъекта. Новизна его интерпретации *сознания* как *идеального*, предполагающая в гносеологии субъект-объектное противоположение, заключается в «снижении» его категориального уровня по отношению к бытию (как сущему, по С.Л. Рубинштейну), а главное, в рассмотрении познавательного отношения *внутри* соотношения Человека с Миром, в реализации онтологического подхода к познанию. «Человек, — пишет он, — конечное существо — включается в мир, в его бесконечное бытие как: 1) Бытие, преобразующее реальность (способ его существования. — К. А.) и 2) переходящее в форму идеального существования». И далее: «Процесс осознания бытия есть переход бытия вне человека в идеальную форму существования субъекта (переход „вещи в себе“ в „вещь для нас“). И далее: «...проблема сознания, сознательного способа существования... выступает как проблема... идеального представительства бытия в человеке (курсив наш. — К. А.)» (там же).

Таким образом, *онтологическая парадигма* С.Л. Рубинштейна отличается:

- 1) тем, что Категории рассматриваются не изолированно, не рядоположно (С.Л. Рубинштейн критикует советский марксизм за рядоположность презентации основных категорий — «природа, общество, мышление»), а в определенной их композиции *расстановке* и способах связей друг с другом, чем изменяются их — категорий — объяснительные возможности;
- 2) соотношение абстрактного и конкретного рассматриваются не как соотношение теоретико-философского и эмпирически конкретного, а как соотношение основных (категориально) сущностей и их *многообразных способов существования*;
- 3) Рубинштейном используется нетривиальный способ расстановки категорий, при котором в контекст более абстрактных категорий *вбираются более конкретные*, чем открывается перспектива раскрытия их содержательно и функционально разнообразных *связей*: категория Человека в Мире позволяет выявить и рассмотреть его *многообразные* способы существования и самоосуществления своей сущности, в процессе жизнедеятельности (сознательного и деятельностного функционирования Человечества);
- 4) С.Л. Рубинштейн вводит различие категорий *Мира* и *Вселенной*, которая, с одной стороны, рассматривается как действительность, еще не освоенная и не созданная человеком (в отличие от действительности Мира), но, с другой, ее уже нельзя свести к материи, безотносительной к человеку. «С возникновением человека, — пишет С.Л. Рубинштейн, — Вселенная приобретает иные качества» (там же). И далее: «Человек и Вселенная — *ее бесконечность, Вечность*, Человек и Мир, *Круг* природы и людей как замкнутое конечное целое (курсив наш. — К. А.) (там же, с. 38)».

В данном тексте хотя на первый взгляд терминологически сопоставляются бесконечность Вселенной *во времени* и конечность Человека в Мире, на са-

мом деле бесконечность Вселенной сравнивается с целостностью («круг») существования Человека в Мире. Особый диалектически новый способ, используемый С. Л. Рубинштейном, заключается не в иерархически системной, а в особой композиционной организации категорий посредством *включения* их *одна в другую*.

Однако С. Л. Рубинштейн при этом не исключает, а, напротив, акцентирует традиционный принцип диалектики, раскрывающей противоречия сущего, противоречия Человека и Мира, Имманентность, достигаемую включением категории Человека в Мир, предполагает — в силу вышеприведенного анализа множественностей его сущностей и разности способов существования — *неизбежность* противоречий: в Мире, в Человеке как Человечестве, в его жизнедеятельности и между Человеком и Миром. Сознание, в первую очередь, — онтологическая способность человека к их выявлению, определению, превращению в проблемы, предполагающая их *решение* (философски теоретическое) и их разрешение *деятельностью* Человека. Эти совладающие с противоречивостью Мира или его «противостоянию» усилия, возможности и т. д. Человека выводят (согласно нашей интерпретации рубинштейновского понимания Мироздания и жизни в социуме и т. д.) к одному из *ведущих* определений человека в качестве Субъекта. Традиционно в философии и психологии принято определение субъекта как инициатора деятельности и обладателя способности сознания (сравните с понятиями, употребляемыми Б. Т. Ананьевым: субъект сознания, субъект деятельности, субъект общения). Не отрицая этого определения и не противопоставляя ему категорию Человека в качестве Субъекта по *критерию* способности и необходимости решения противоречий, С. Л. Рубинштейн ставит акцент на *существенность* его связи с эпохой XX в., исполненной трагических противоречий в становлении нового типа общества нашей страны, в Великой Отечественной войне, в жизни людей, в ней победивших, но оставшихся побежденными тоталитарной властью.

Однако, поскольку вся история человечества является историей войн и угнетения народов, категория Мира приобретает еще одно важнейшее значение — потребности Человека жить *в мире, а не... среди войны*.

Итак, если основополагающим в определении Человека в качестве Субъекта является его способность разрешения разного рода и уровня противоречий, то это имеет своим следствием выход философии на *источник развития* Человека не только как связанный с деятельностью, что ранее (еще в 1920-х гг.) утверждал С. Л. Рубинштейн, а на способность Человека решать, разрешать противоречия и в случае их неразрешимости *выстаивать* в своей жизни, *не теряя ни своей человечности, ни своей личности*. Сама постановка акцента на противоречия сущего при разных сущностях и не совпадающих с ними способах существования в Мире, постановка С. Л. Рубинштейном вопроса о *проблемности жизни* выводит его парадигму к раскрытию возможности *усиления сущности* человека его *отношением* к жизни, которая определяется как *оптимистическая трагедия*, поскольку жизнь исполнена противоречий, ведущих не только к развитию, но и к неантизации человечности.

Уже из степени определенности категории «Мир» очевидно, что С. Л. Рубинштейн осуществил диалектический ход, отличный от принятого иерархического способа конкретизации, когда категории высшего ранга, уровня раскрываются на нижележащем уровне (или даже превращаются в примеры или, в лучшем случае, в особые, более конкретные по отношению к общепризнанной философской сфере философского знания или исследования, например философские вопросы естествознания). Он реализовал способ или «логический» ход «втягивания», т. е. подъема (или повышения статуса) *конкретного уровня сфер философии* на более высокий. Этот ход можно отметить специально как *новый философский способ построения архитектуры сущего*.

В «Бытии и сознании» С. Л. Рубинштейн, еще размышляя в контексте уровневого подхода, высказал мысль, что определенное изменение, обновление нижележащих уровней *влияет на вышележащие*, т. е. ввел парадоксальный по отношению к принятому принцип *обратного влияния* низшего уровня конкретизации на изменение высшего.

Данный же ход выводит к новому соотношению его парадигмы с существовавшими до него и... при нем *специальными областями философии: этикой, философской антропологией, социальной философией, эстетикой и т. д.*⁶

На первый взгляд, в этих сферах философского знания решались (или, по крайней мере, обсуждались, осмыслялись) те же проблемы, категории, что и в монографии «Человек и мир». Однако это опровергается своеобразным «удельным» обособленным существованием и разработкой этих сфер философии. Или, например, экзистенциализм как философская интерпретация существования, напротив, претендовал на универсальность своего философского концепта.

Отличие парадигмы С. Л. Рубинштейна в том, что при «подъеме» (= вовлечении) всех философских сфер *в контекст* объяснительных возможностей *ведущих категорий* они, во-первых, объединились этим контекстом и, во-вторых, приобрели новое значение при возникшей новой их расстановке и сопоставлении, открывающих в них новые объяснительные возможности, одновременно раскрывающие новые значения или грани континуума категорий «Человек в Мире». Так, опережая дальнейшее изложение: *этическое* — его новое философское значение заключается в качестве возможности *усиления сущности* человека — любовным отношением к нему (добрым, внимательным, уважительным, социальным признанием его личности).

Познание выступает уже не только как поиск истины, но, во-первых, как *правды* жизни, того, как оно на самом деле есть, а также, во-вторых, как *созерцание* (благодаря соотносению познания и сознания), но не как пассивное, «бездумное», равнодушное отношение к действительности, а как связанное

6 Например, см.: Проблемы идеализма: Сборник статей / Под. ред. С. Н. Булгакова и др. М.: Московское Психологическое общество, 1902, — где представлены статьи известных русских философов, посвященные — каждая — отдельным сферам философии: этике, философии жизни, истории философии, философии социологии, творчества и т. д.

с переживаниями – философски мировоззренческими чувствами, обогащающими человека. *Эстетика*, «восприятие» красоты природы, культуры (музыки, изобразительного искусства и т. д.). *Жизнь* – не как материальная обеспеченность, комфорт и... благополучие личности, а как ценностные противоречия Добра и Зла.

Этика, связанная с противоречиями личности и общества (социальные отношения), противоречиями взаимных человеческих отношений и т. д., как оптимистическая трагедия, приводящая как к становлению, усилению личности, так и к возможности ее деградации, разрушения (при несовладании ее с трудностями).

Социальная философия = *социальная действительность* (общественные, социально-экономические отношения, государство = строй, власть и т. д.) как детерминанта оптимизма/пессимизма отношения к ней личности.

С. Л. Рубинштейн как бы попутно, вскользь комментирует этот ход, говоря в отношении этики, что имеется в виду этика «в широком смысле слова». Так, вторгаясь в запретную сферу советской *социальной философии*, С. Л. Рубинштейн выступает с критикой тоталитаризма советской власти как изничтожающей не только человеческую сущность человека, личности, но и ее саму. Другое направление его критики связано с реальной при социализме проблемой превращения человека, личности в *функцию* от осуществляемого ей труда и производственных отношений в нем, прибегая к терминам К. Маркса, в «маску», что опять-таки приводит к изничтожению человеческой, как человеческой, сущности – как нравственно-этической, так и личностно-психологической.

Так осуществляется (лишь редко кем предпринимаемое) выявление связей характера этических отношений с социально-политическим строем общества и влияния такого способа связи с позитивным/негативным складом личности и возможностью/невозможностью ее воспитанием (педагогика в широком смысле слова, чему посвящена уже статья 22 года!) противопоставить свое влияние на личность разрушительному воздействию на нее определенного типа власти в социуме, усилив ее духовно-нравственную сущность, стойкость, оптимизм, человечность.

Иными словами, прослеживается *связь* социальной философии (типа общества и характера власти) с этикой (духовно-нравственным складом личности), психологией и педагогикой. Причем она выявляется не столько как категориально-понятийная, сколько в качестве способа существования человека в жизни, т. е. в действительности.

Таковы возникающие новые значения отдельных категорий, а также проблем или сфер философии при их подъеме, осуществленном С. Л. Рубинштейном, говоря точнее – включении их в контекст уровня «Человек в Мире». Это обеспечивается установлением связей разных философских сфер (этики, эстетики, философии жизни, старой «философской антропологии», социальной философии, психологии, педагогики и т. д.) и *одновременно* открывает путь к раскрытию их противоречий, что возможно при их дальнейшей «перестановке» или переинтерпритации.

Абстрактность формулы «Человек в Мире» неожиданным образом совмещается с ее конкретизацией, которая — одновременно — является и категориальной, позволяющей связать научно-философские сферы существования Человека и открывающей их возможности объяснения реальности.

При реальном состоянии общества времен С. Л. Рубинштейна существовали не разрешенные с позиций его дальнейшего развития противоречия, одно из которых, как показано выше, было раскрыто им как наиболее существенное.

Анализируя прошлое с позиций *современных*, представляется, что С. Л. Рубинштейн не подверг критике более существенное противоречие экономических отношений в советском обществе духовно-нравственной сущности личности человека.

Однако, преодолев традиционную для советской идеологии формулу, определяющей сущность личности роли общественных отношений, он возвел отношения как категорию на философский уровень, представив ее, на наш взгляд, как однопорядковую категорию сознания и деятельности и одновременно как открывающую возможности обладающего высшей духовной силой человека своим отношением (= переживанием) своей любви! (не только поступком) *усилить* человеческую *сущность* другого человека. Формулируя философски, усилить *самоценность* и душевно-духовную силу личности, формулируя философско-психологически, он возвел переживание в определение предмета психологии (Рубинштейн, 1997, с. 73).

В этом именно пространстве от психологии чувства к философии сущности человека, имплицитно подразумевалось или звало нас к дальнейшему размышлению представление о функционировании как *изменчивости* существенного, изменчивости существенного самой сущности.

Оно присутствует не в словах, терминах, а в одном из сюжетов второй части «Человека и мира», когда Сергей Леонидович рассуждает о том, что нечто, что казалось нам самым *главным* (на языке жизни), т. е. *существенным* (на философском языке), при *изменившихся* обстоятельствах перестает быть таковым. В тексте С. Л. Рубинштейна в качестве изменяющих в функционировании свою существенность выступают *ценности*. «В этой иерархии жизненных ценностей и потребностей, в зависимости от перипетий жизни, выступают на передний план, — пишет он, — то одни, то другие, то низшие, то высшие... Например, когда ставится под угрозу всё (смерть на войне) или самое дорогое и важное (курсив наш. — К. А.), тогда чувствуешь ничтожество того (читай: несущественность. — К. А.), что прежде, когда более важное не подвергалось угрозе, риску, тоже казалось важным и даже стояло на переднем плане» (там же, с. 93).

Такова еще одна сфера — философия жизни, вовлеченная С. Л. Рубинштейном в его расстановку категорий, — и ее *функциональность, относительность* в философском континууме. Здесь категория существенности выступает как воплощенная диалектика самого построения и интерпретации философской парадигмы С. Л. Рубинштейном.

Подтверждением нового философского звучания категории отношения у С. Л. Рубинштейна служит вынесение ее в название главы 4 – «Отношение человека к человеку» (там же).

Расширение категории отношений в философском аспекте создает совершенно новую, но вечно присущую Человеку проблему философского уровня – мировоззренческих чувств. И в нее вовлекаются разрозненные «области», разные контексты литературы и искусства, философии и обыденной жизни и т. д.; понятий: юмора, иронии, смеха и т. д. (которыми оперировал и З. Фрейд), раскрывается их *контекстность*, присущая герменевтическим интерпретациям (Славская, 2002).

«Плох тот человек, — пишет С. Л. Рубинштейн в своих дневниках, — жизнь которого не наполнена в душе его звучащей внутренней музыкой».

С. Л. Рубинштейн, выстроивший с такой степенью философской определенности и целостности свою парадигму, отведя в ней центральное место — сердцевину — Человеку, открыл ее методологические возможности, которые с необыкновенной быстротой реализовались и психологами его школы, и за ее пределами. Так, ее пафос позволил В. А. Барабанщикову не только открыть совершенно новую, включившую в контекст жизни, казалось бы, старую проблему восприятия, но и назвать Сергея Леонидовича не как принято классиком или выдающимся психологом, но Бетховеном.

* * *

Монография «Человек и мир» действительно соединила нашу психологическую науку и философию с *жизнью* во всей ее трагичности и все-таки исполненности очарованием и... счастьем. Именно это соединение, включившее в философию и противоречия жизни, позволило С. Л. Рубинштейну поднять на новый уровень проблему Субъекта и открыть путь к возможности философского и дальнейшего психологического раскрытия его сущности. Эта проблема, казалось бы, являвшая в действительности абсолютность бесчеловечности тоталитаризма, с одной стороны, и величия Человека в парадигме С. Л. Рубинштейна — с другой (в его еще не опубликованной в наступившей тогда «оттепели» рукописи), уже начала подниматься в гносеологии В. А. Лекторским, в этике О. А. Дробницким, в культурологии в работах С. С. Аверинцева и М. Л. Гаспарова и др. и одновременно была закрыта западноевропейской философской мыслью...

Рубинштейновские определения субъекта различны. В первой части «Человека и мира» он использует не категорию, а *понятие* субъекта в сочетании с *понятием предиката* в значении *главного и второстепенного* в соотношении существования и сущности (Рубинштейн, 1997, с. 34 и др.). «*Существующее всегда является субъектом, но никогда не предикатом*» (курсив наш. — К. А.) (там же, с. 25). В дискуссии и с идеализмом и... с диалектическим материализмом это его употребление является философски существенным (там же, с. 36).

Далее в архитектонике рубинштейновской онтологии используется *второе* словоупотребление понятия субъекта. Он пишет: «...различные *способы*

существования, отличающиеся в зависимости от особенностей их субъекта, — и далее, — ...мы приходим к анализу философского вопроса о способе существования человека как субъекта сознания и действия» (курсив наш. — К. А.) (там же, с. 7). Здесь С. Л. Рубинштейн употребляет уже *категорию* субъекта как некое сущее «лежащих в точке пересечения бесконечных взаимодействий, индивидуальные итоги бесконечных взаимодействий» (там же, с. 53).

Известно, что С. Л. Рубинштейн начинал свой философский путь с преодоления абсолютизации Гегелем субъекта сознания, обращаясь к уже употребляемому в философии понятию деятельности (в известной статье 1922 г. «Принцип творческой самодеятельности»). Само название статьи свидетельствует о значении категории субъекта как иницирующего именно творческую деятельность, включая труд, а не какую-либо другую, и то, что С. Л. Рубинштейн принципиально впервые подчеркивает ее *обратное влияние* на развитие субъекта. Рубинштейновская категория субъекта отличается от принятого в философии обозначения соотношения субъект—объект в познании (гносеологии) и в концепции отчуждения К. Маркса. Однако субъект — не только субъект деятельности, но и самодеятельности, *самопричинения*.

Включившись в свое время в реорганизацию психологии, преодолевая традиционную психологию сознания, Сергей Леонидович постепенно преодолел определение ее *предмета* интроспекционизмом, а в 1935 г. в «Основах психологии», еще не включая в него деятельность, а только *отражение* (скорее, познание в сложившемся в общении с Н. Н. Ланге понимании) и *переживание*. За познанием и переживанием имплицитно подразумевалась личность, субъект. И только в «Основах общей психологии» (1940 г.) С. Л. Рубинштейн формулирует свой известный принцип, ставший альфой и омегой развития нового этапа психологической науки, вводившей *сознание* уже в новом качестве *в связи с деятельностью... личности как субъекта*.

Затем им снимается ограничение рассмотрения в качестве субъекта только личности, и оно распространяется на уровень бытия Человека в Мире.

И поскольку в «Мир» С. Л. Рубинштейном «вобраны» все проблемы — социальных, этических, экономических и др. отношений, жизненных отношений, в широком смысле слова, то для такого познания необходима не только логика и отточенные веками человеческой мысли способности, но он сам выступает в своей особой сущности — качестве субъекта. Субъекту, как высшему проявлению Человека, присуща *способность интегрировать* в своей жизнедеятельности все эти «сферы» в их противоречивости и проблемности, разрешая их оптимальным образом. Именно в качестве субъекта Человек не просто познает, но творит (как Человечество) свой Мир. Диалектичность мышления С. Л. Рубинштейна позволила ему определить субъекта не только как вершину, высшее проявление и достижение сущности Человека, т. е. придать категории субъекта качественную определенность, но и раскрыть возможность/невозможность достижения этой вершины. И в этом аспекте категория субъекта имеет *относительный* характер, что снимает присущую ее определенности категоричность.

Нам неизвестно, кто в философии выделял этот *вероятностный* смысл категории субъекта.

Рубинштейн же пишет: «Среди того, что принимается, что выглядит как единичное сущее – субъект... и его изменения – есть такие, которые не выдерживают испытания в своем „притязании“ на этот „ранг“. И есть другие – выдерживающие» (там же, с. 25). «Субъект – личность», – добавляет он, подразумевая – *выдающиеся личности*. И потому буквально на следующей странице он повторяет эту фразу, что является, судя по всему, рубинштейновским способом подчеркивания значимости своего суждения – это новое, содержащее *принцип относительности, вероятности* определение субъекта. Новое, потому что все предыдущие отличались категориальной определенностью. Это определение, даваемое С. Л. Рубинштейном в разделе «Отношение мышления к бытию и логическая структура познания» первой части «Человека и мира», присутствует и во второй, в которой он обобщает и строит архитектуру разных сущностей жизни, меняющихся или изменяемых субъектом по ходу жизни своей и общества, в которое она включена. Эта категория Субъекта в архитектонике сущего является абсолютно радикальным ходом С. Л. Рубинштейна в отношении места гносеологии в философии, традиционно подразумеваемого как достаточно обособленного.

Категория субъекта позволяет:

1. Методологически соотнести жизнедеятельность Человека и *позитивную* роль его сознания, деятельности и *отношений* ко Вселенной, Природе, Обществу и Миру в целом.
2. В жизни перед Человеком возникают противоречия, которые он своим сознанием превращает в проблемы, решаемые мышлением, познанием. Эти решения, приобретающие *оптимальный* характер, являются, в свою очередь, критерием Человека в качестве Субъекта.
3. Категория и *принцип* Субъекта являются объяснительными и в раскрытии развития Человека (личности) как становления (= *усиления*) его человеческой сущности. В этом значении она «вбирает», включает в себя этику «в широком смысле слова» (С. Л. Рубинштейн) *человечности*. Этим реализуется принцип *гуманизма* в рубинштейновской парадигме.
4. Воплощенный в категории субъекта принцип гуманизма, традиционно имеющий констатирующий залог, приобретает, во-первых, активный залог и, во-вторых, корреспондирует с действительностью, содержащей *противоречия* добра и... зла. Абстрактность гуманизма преодолевается С. Л. Рубинштейном посредством определения *ответственности субъекта*, добровольно взятой на себя за разрешение этого глобального и множества конкретных противоречий жизни как оптимистической трагедии, ради жизни... в условиях несвободы.
5. С. Л. Рубинштейн, преодолевая кантовский априоризм принципа должностования, долга как воплощения нравственности, ставит проблему ответственности как добровольное (волеизъявляющее) деяние субъекта, соотнося его с контекстом жизни – противоречий в ней.

Высшую меру ответственности брал на себя автор «Человека и мира», обеспечив непрерывность, прерванную революцией и ее последствиями, развития отечественной психологии, отстаивая ее как науку в условиях депривации тоталитаризмом наук, культуры, интеллигенции — этого золотого фонда нашего Отечества. Отсюда «ответственность человека»... за всё содеянное и упущенное», писал он в последних предсмертных строках своего Произведения — о Человеке в Мире.

Заключение

С. Л. Рубинштейн создал в своем предсмертном труде «Человек и мир» новую философскую онтологическую парадигму, охватившую своими объяснительными (и проблемными = вероятностными) возможностями Вселенную, преобразованную Человеком в Мир, в котором он занимал центральное место.

Эта парадигма, предшествовавшая повороту отечественной философской мысли от догматической советской философии, осталась в стороне от поисков в ней новых подходов. Данная парадигма носит уникальный, онтологически экзистенциальный характер, поскольку основными критериями Человека в качестве Субъекта *жизни* — в ее экзистенциальности, изменчивости и противоречивости — являются *решения* противоречий, ответственность как усиление сущности Человека/Личности. В нашей жизни как Оптимистической трагедии.

Литература

- Барabanщиков В. А.* Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.
- Брушлинский А. В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1994.
- Лекторский В. А.* Субъект, объект, познание. М., 1980.
- Проблемы идеализма: Сборник статей / Под ред. С. Н. Булгакова и др. Издание Московского психологического общества, 1902.
- Рубинштейн С. Л.* Основы психологии: Учебное издание. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1935.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии: Учебное издание. М., 1940, 1946.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. Ч. II. Человек и мир. М.: Педагогика, 1976.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989.
- Сергей Леонидович Рубинштейн // Философия России второй половины XX века / Гл. ред. серии В. А. Лекторский; ред. тома К. А. Абульханова. М.: Росспэн, 2010.
- Сергей Рубинштейн. Детство. Юность. Молодость / К. А. Абульханова, А. Н. Славская. М.: Воронеж, 2010.

- Сергей Рубинштейн. Основы психологии / Под ред. К. А. Абульхановой. М.: РАО—Изд-во «Институт психологии РАН»—АСТ, 2020.
- Славская А. Н. Личность как субъект интерпретации. Дубна, 2002.
- Rubinstein aujourd'hui. Nouvelles figures de l'activité humaine anthologie de textes choisis et édités par Nosulenko V. et Rabardel P. Toulouse—Paris: Octore's de la Maison des Sciences de L'Homme, 2007.
- Payne T. R. S. L. Rubinshtein and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology. Dordrecht, Holland—N. Y., 1968.

References

- Barabanshchikov V. A. Vospriyatie i sobytie [Perception and Event]. SPb.: Aleteïya, 2002 (in Russ.).
- Brushlinskiĭ A. V. Problemy psikhologii sub"ekta [Problems of psychology of the subject]. M.: Institut psikhologii RAN, 1994 (in Russ.).
- Lektorskiĭ V. A. Sub"ekt, ob"ekt, poznanie [Subject, object, cognition]. M., 1980 (in Russ.).
- Payne T. R. S. L. Rubinshtein and the Philosophical Foundations of Soviet Psychology. Dordrecht, Holland—N. Y., 1968.
- Problemy idealizma: Sbornik stateĭ [Problems of idealism: Collection of articles] / Pod red. S. N. Bulgakova i dr. Izdanie Moskovskogo psikhologicheskogo obshchestva, 1902 (in Russ.).
- Rubinshteĭn S. L. Osnovy psikhologii: Uchebnoe izdanie [Fundamentals of psychology: Educational publication]. M.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1935 (in Russ.).
- Rubinshteĭn S. L. Osnovy obshcheĭ psikhologii: Uchebnoe izdanie [Fundamentals of general psychology: Educational publication]. M., 1940, 1946 (in Russ.).
- Rubinshteĭn S. L. Problemy obshcheĭ psikhologii [Problems of general psychology]. Ch. II. Chelovek i mir [Man and the world]. M.: Pedagogika, 1976 (in Russ.).
- Rubinshteĭn S. L. Chelovek i mir [Man and the world]. M.: Nauka, 1997 (in Russ.).
- Rubinstein aujourd'hui. Nouvelles figures de l'activité humaine anthologie de textes choisis et édités par Nosulenko V. et Rabardel P. Toulouse—Paris: Octore's de la Maison des Sciences de L'Homme, 2007.
- Sergeĭ Leonidovich Rubinshteĭn: Ocherki. Vospominaniya. Materialy [Sergey Leonidovich Rubinstein: Essays. Memories. Materials]. M.: Nauka, 1989 (in Russ.).
- Sergeĭ Leonidovich Rubinshteĭn // Filosofiya Rossii vtoroi poloviny XX veka [Sergey Leonidovich Rubinstein: Philosophy of Russia in the second half of the XX century] / Gl. red. serii V. A. Lektorskiĭ; red. toma K. A. Abul'khanova. M.: Rosspén, 2010 (in Russ.).
- Sergeĭ Rubinshteĭn. Detstvo. Yunost'. Molodost' [Sergey Rubinstein. Childhood. Youth. Early life] / K. A. Abul'khanova, A. N. Slavskaya. M.—Voronezh, 2010 (in Russ.).
- Sergeĭ Rubinshteĭn. Osnovy psikhologii [Sergey Rubinstein. Fundamentals of Psychology] / Pod red. K. A. Abul'khanovoĭ. M.: RAO—IP RAN—AST, 2020 (in Russ.).

Slavskaya A. N. Lichnost' kak sub"ekt interpretatsii. Dubna, 2002.

Информация об авторе

Абульханова Ксения Александровна, доктор философских наук, профессор, академик РАО, главный научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук, г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7279-133X>, e-mail: abulkhanova@ipras.ru.

Information about the author

Kseniya A. Abulkhanova, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Chief Researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7279-133X>, e-mail: abulkhanova@ipras.ru.

Получена: 28.10.2020

Принята в печать: 01.12.2020

Received: 28.10.2020

Accepted: 01.12.2020